

12+

Дмитрий Соловьев
Димкины рассказы и приключения
2002

Дмитрий Соловьев

Димкины рассказы и приключения

<https://litres.ru/57209705>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-04783-9

Аннотация

Одиннадцатилетний мальчишка рассказывает о забавных случаях и приключениях, которые происходили с ним в школе, дома и в летнем лагере. Есть среди них и детективные истории, когда они с другом выслеживают похитителя кур в захудалой деревне. Есть рассказ, где ребята ловят бандита в больнице, а потом, от нечего делать, находят шпиона на улице. Присутствуют в рассказах и страсти-мордасти, вплоть до ужастиков. В общем, есть чему испугаться и чему посмеяться!

Содержание

Предисловие	5
Встреча с реальностью	6
Агрономы	8
Вредная привычка	16
Понарошку	19
Всезнайка	20
Извините, пожалуйста!	26
Детективная история.	33
Букашки таракашки	45
Дорогая покупка.	53
Ананас	57
Самостоятельный	62
Секретное оружие	66
Прекрасный рост	68
Стрижка	70
Джентльмены	80
Хитрый дядя	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Дмитрий Соловьев Димкины рассказы и приключения

Рекомендовано для пионеров и пенсионеров.
Надеюсь, вам понравится.

Предисловие

Когда вы ребята начнете читать эти ну очень серьезные рассказы, учтите, я такой же, как и вы школьник.

Кстати и вы – взрослые родители, взгляните на свои фотографии 3, 4, 5 классов, вспомните себя лопоухих! Улыбнитесь своей наивности и ребячьим поступкам.

Прочтите мою небольшую историю об озорном обычном мальчишке, и вы найдете в нем много общего с вами.

Любопытно, понравится ли вам книга, не забросите ли ее, зевая на первых страницах.

Счастья вам и исполнения своих самых заветных желаний!

Москва 2002 год Дмитрий Соловьев. Контактные телефоны 8-917-567-56-35, 269 35 58.

Встреча с реальностью

Пятилетний мальчик Миша впервые удрал от мамы и чувствовал себя в гостях самостоятельным. Он ликовал от открывшихся возможностей. Свобода затягивала, суля много неожиданного. Пошлявшись по коридорам, он заглянул в гостиную и увидел накрытые столы.

В каждой тарелке лежало по аппетитному бутерброду с колбасой, и они восхитительно пахли. В гостиной никого не было, и Миша осторожно приблизился.

Колбаса паялилась на него кусочками жира и краснела сырокопченостью. Она звала, она привлекала, вызывая определенное желание, и мальчик остановился над ней замороженный. Глядеть на нее было неинтересно и даже мучительно, и Миша, после недолгих раздумий, решился.

– Бутерброд, а бутерброд, можно я тебя съем? – спросил он, уставившись в ближайшую тарелку.

Бутерброд, разумеется, ничего не ответил, и мальчик его съел. Колбаса оказалась вкусной, а игра в вопросы – интересной.

Мише это так понравилось, что он, переходя от стола к столу, съел таким образом еще много бутербродов и, обливаясь, доедал последний, когда сзади, за его спиной раздался возмущенный мальчишеский голос: – Ты зачем съел мой бутерброд? – спросил его семилетний мальчик Петя, и,

не дожидаясь ответа, дал ему в лоб.

Так мальчик Миша в первый раз встретился с жестокой реальностью (с настоящей правдой жизни).

Агрономы

Все началось с того, что, зайдя ко мне в гости, Мишка обнаружил во дворе наевшегося пьяных ягод петуха. Толи бабушка забродившее варенье опрокинула, толи кто еще. Не столь уж важно. Главное что петух его нашел и недолго думая, стрескал. Наклевался бедный до синих попугаев и слег в жутком похмелье.

– Чего это с ним? – спросил меня Мишка, щекоча петуха травинкой.

– Ку.. – слабо начал диалог Яша лягаясь лапой, – Ку.. – продолжил он тише, – Ку..ку.. – закончил он засыпая.

Отнесли мы петуха в курятник, водой опрыскали, спать уложили, а сами на речку пошли. Лето еще только начиналось, все вокруг свежее и красивое, зелень своей сочностью глаз радует.

Искупались пару раз, лежим, загораем.

– Дим, а чем твоя бабушка кур кормит? – вдруг спрашивает меня Мишка.

– Если бы я знал! – перевернулся я на живот, – уж точно не винными ягодами, а то бы они давно все передохли.

– Моя вот крупами разными, намешает и разбрасывает, знаешь, как жрут!? Только что не дерутся.

Крупа нынче дорогая, – поделился я с Мишкой услышанным. – Бабушка вчера на это сетовала, говорит мочи нет с

такими ценами.

– Да уж каллюзия! – философски протянул раскинувшийся на песке Мишка.

– Чего!?! – не понял я.

– Я сам не понял, но красивое слово, – несколько смущенно сказал Мишка и, меняя тему, повернул лицо ко мне, – А ты ее вырасти!

– Кого!?! Каллюзию!!?! – ошеломленно спросил я его.

– Да нет, – Крупую! Я вот вчера взял да и посадил в ящиках рассаду, как расцветет, я ее на поле пересажу, а по осени вот такой урожай соберу! Закачаешься!

– И чего же ты посадил-засеял? – подозрительно спросил я его.

– Ну, гороху немного, рису, горчицы! Тут главное все по отдельности сеять и поливать почаще!

Полежали мы так еще пару часиков, поплавали, попрыгали, друг за дружкой в воде погонялись, вернулись домой к обеду. Я голодный как волк прямо в сандалетах на кухню залетел, бутербродов себе соорудил, молока в кружку налил, сижу, жую, размышляю.

Не дает мне покоя мысль о Мишкиных посевах. Удивительно как я до этого сам не додумался. Ладно, и сейчас не поздно!

Допил я молоко, поднялся, принялся по ящикам рыться. Смотрю ничего кроме сахара нету, ну я не дурак, знаю, что сахар из свеклы у нас делается, полез в подпол, весь изма-

зался, ничего стоящего не нашел. Наконец догадался в чулан заглянуть и сразу удачно. Стоит там мешок с гречкой, мешок с горохом и небольшой, килограмм на двадцать с манкой, да еще пару пакетиков с черным перцем.

– Да, – думаю, – тут целый цветник развести можно, вон и пакет с гвоздикой имеется!

Вначале хотел я от каждой культуры семена в банки засеять, но вовремя сообразил, что мне, чтобы всю эту крупу рассадить и тысячи горшков не хватит. Пусть Мишка, если хочет, со своими тремя горошинами в банках колупается, а я уж сразу на грядки.

Обошел я с лопатой участок, потыкал в землю, вроде бы рыхлая, не зря ее на днях вскапывали, поплевал на руки, рукава засучил, обхватил мешок руками и с трудом, пятясь спиной, на крыльцо вытащил.

Уф, тяжелый зараза!

Отдышавшись, я сбегал на кухню, снял со стены дуршлаг с огромными дырками и стал через него гречку по огороду сеять.

Я раньше не знал, что это так просто, мне даже понравилось. Засеял я треть мешка, присел передохнуть, на дело своих рук полюбоваться.

Тут Мишка заявился собственной персоной.

– Ты, – спрашивает, – чего делаешь?

– Не видишь, гречку сажаю.

– Какая то она у тебя мелкая, – заглянув в мешок, говорит

Мишка.

– Понятное дело – сечка! Она всегда мельче! – отвечаю.

– Сорт что ли такой?

– Ага, когда варишь размазня, получается, я такую очень люблю!

– Мне больше нравится ядрица! – с видом знатока заявил

Мишка.

– Ядрица дрица дрица ца! – передразнил я его, – ты лучше скажи, сколько ее для засева требуется.

– Это зависит от площади твоего участка! – важно произнес Мишка.

– И сколько тут будет? – спросил я.

– Да гектара полтора!

– По-моему бабушка говорила о каких то сотках! – возразил я.

– Пусть будут сотки, – полторы сотки! Какая разница? – сразу согласился Мишка, – Сыпь больше, все равно часть не взойдет, так что не бойся.

И стали мы ее сыпать!

Вдвоем мы быстро с гречкой разделались, за горох принялись, тут оказалось, что он через отверстия в дуршлаге не проходит, хорошо Мишка догадался в мешке дырок гвоздем наковырять, очень кстати удобно! Взяли мы мешок за уши, разик над грядкой протащили, горох и закончился. Поработали мы не больше получаса, а обе грядки засеяли, одну гречкой, другую горохом, а между ними перец с гвозди-

кой понатыкали. Все это с землей перемешали, из цинкового ведра водой полили. Славно потрудились, просто глаз радуется.

Зашел я за угол, рубашку грязную скинул, из бочки дождевой водой умылся. Чистенький на крыльцо взбегаю, в дом захожу, смотрю, Мишка из чулана мешок манки по полу тянет, пыхтит.

– Смотри, – говорит, – чего я еще отыскал.

– Да я и до тебя, его видел, – отвечаю я ему, – вот только свободных грядок больше нет, на следующих мама редиску посадила!

– Чепуха! – говорит мой друг, – Редиска должна уже созреть, мы ее сейчас всю повыдергиваем, а вместо нее манку посеём! Знаешь, как ее семена куры любят?

– Знаю, – вздохнул я, – Да уж больно долгая это работа – редиску собирать.

– Ничего, я сам все сделаю, – говорит Мишка, – а ты пока в магазин сбегай, сладкого к чаю купи, пряников там или сушек.

– Ну, я и пошел.

Прихожу через полчаса, смотрю, Мишка сидит по уши в редиске, вернее в ее вершках, уже работу заканчивает.

– Вот, молодец! – говорю, всю редиску отсортировал, я бы так быстро не управился!

А Мишка на меня так грустно смотрит и спрашивает: – Какая такая редиска? Ты, наверное, ошибся, нет тут никакой

редиски, одни сплошные сорняки!

– Какие же, – говорю, – это сорняки, – когда листья редисчатые.

– Правильно, это и есть редисчатые сорняки, – объясняет мне Мишка, – если бы это были настоящие кустики редиски, я хоть одну бы малюсенькую редисочку да обнаружил, а тут совсем ничего!

Ну, мне его доводы показались разумными.

– Давай, – говорю, – побыстрее манку сеять, а то скоро родители вернутся, а мы еще работу не закончили.

– Для них это будет приятная неожиданность! – улыбнулся Мишка,

– Сделаем им сюрприз!

В общем, засеяли мы всю манку. А на грядке место осталось. Стоим мы напротив друг друга затылки чешем.

– Может макароны? – вопросительно уставился на меня Мишка.

– Ты что дурак!? – покрутил я у виска, – кто же макароны сажает, ведь они из муки сделаны.

– А я муку неделю назад в горшочке посадил, она проросла цветочками! – неуверенно возразил Мишка, – вот если макароны размочить.....

– По-моему это ерунда, – сказал я, пытаюсь вспомнить из чего делают муку.

– И горчица заколосилась! – окончательно добил меня Мишка.

– Горчица не может заколоситься, потому что она....она..... горькая! – нашелся я.

– Перец тоже горький, однако, ты его посадил. Слушай, а давай рис посеем, я у тебя в буфете пачку видел!

– Вот рис совсем другое дело! – согласился я, – только его глубоко в землю закапывать надо, придется палочкой лунки делать, да и поливать часто.

– Палочкой долго,– спустя полчаса произнес Мишка, – смотри, что я придумал! – сказал он, ткнув растопыренными пальцами в землю, – Оп, и сразу десять дырок! А если сандалии с ног снять то еще десять.

– А если носом то одиннадцать! – хмуро сказала незаметно подошедшая к нам мама.

– Здравствуйте – вежливо проговорил Мишка и скромно потупился, – мы тут вам огород засеяли всеми сортами продуктов, даже чаю не попили!

–У бабушки теперь все на огороде произрастает! – поделился я с мамой приятной новостью.

– Кроме редиски? – уточнила мама, с непонятым раздражением.

– Там вырастет манка! – пробормотал я себе в оправдание.

– И рис заколосится! – поддержал меня Мишка, – вот у меня мука с горчицей дала вот такие всходы, – растянул он руки до отказа.

– Все понятно, – после долгого молчания улыбнулась и

обрадовалась мама, – идите мыть руки труженики полей, будем ужинать.

– Ура! – закричали мы, несясь наперегонки к умывальнику.

– Да кстати Димка! – окликнула меня мама.

– Чего? – обернулся я.

– Надеюсь, чай с сахаром и пряники вы не засеяли!?

Вредная привычка

– Плеваться нехорошо! – сказала мне мама.

– Плеваться нехорошо! – сказала мне незнакомая тетя на улице.

– Почему ты все время плюешься? – поинтересовался мой младший брат.

– Уйди! – сказал я ему. – Сгинь, сосиска!

И плюнул ЦЕЛЫХ ТРИ РАЗА!

Пока я шел до школы, я плюнул у своего подъезда, затем еще раз через подъезд, затем проходя мимо помойки!

После этого я плюнул в лужу! в ворону! в воздух!

Увидев черного кота, я плюнул три раза через плечо, и пять раз в самого кота, но промахнулся!

После чего остановился и плюнул от досады! Что же это со мною творится?! В прошлом году вообще не плевался! А теперь – словно верблюды!

– Вот ведь, привязалась дурная привычка! – подумал я и.... снова плюнул! Не мог не плюнуть! Так хотелось!

Все! Взял я себя в руки. Решено! Окончательно и бесповоротно! Больше не плююсь! Ни разу!

Но не тут-то было! После уроков я плюнул еще раз триста! Не меньше!

И не только я! Все мои товарищи плевались! Идут и плюются, сидят и плюются, говорят и плюются! Только и слыш-

но через слово – Тьфу, да тьфу. Просто ужас!

Дошло до того, что я даже дома несколько раз на кафель в ванной комнате плюнул, правда, втайне, и сразу тряпкой плевки стер! Ну, ничего с собой поделать не мог!

Звоню другу Мишке. Спрашиваю: – Ты плюешься?

А он грустно отвечает: – Плююсь! Еще как плююсь! Меня папаша за это ремнем выдрал! Сесть не могу – задница болит, а меня так и тянет еще раз на пол плюнуть.

– Вот и у меня та же проблема, – говорю, – никак отучиться не могу. Может, вместе попробуем?

Так и порешили. Вышли на улицу. Идем, отучаемся! А разговор не клеится!

– Что? – спрашиваю. – Опять?

– Ага, – отвечает Мишка, – даже мысли все куда-то подевались, только об этом и думаю.

– Я тоже! Главное, характер выдержать!

Походили мы еще минут двадцать. У подъезда распрощались!

Я еле до второго этажа добежал, встал у окна и в форточку плюнул. Сразу полегчало!

Только в квартиру зашел, Мишка по телефону звонит: – Ты как? – спрашивает.

– Да вот, один раз плюнул.

– А меня опять выдрали! Я только в прихожую зашел сразу, начал плевать. Просто умру, думал, если не плюну. Весь пол заплывал.

Так мы в тот раз и не отучились от вредной привычки. Ничего не помогало!

А вскоре я устроился в секцию по плаванию и стал ходить в бассейн. А Мишка занялся волейболом и пропадал днями на стадионе. А потом мы стали дружить с девчонками и как-то само собой отучились плеваться. Просто забыли про эту привычку! И все!

Понарошку

Я решил ухаживать за Машкой понарошку и хотел угостить ее стаканчиком мороженого – тоже понарошку, но она не согласилась. Пришлось купить ей настоящее! И она его слопала! Представляете!?! Слопала одна и даже не поделилась!! Только сказала мне с глупой улыбкой: – Спасибо.

Я на Машку очень за это обиделся и треснул ее по голове альбомом для рисования. Она хотела ухватить меня руками за уши, а я ловко увернулся, и Машка поцарапала мне нос.

– Ах, так! – возмутился я, собираясь задать ей хорошую взбучку.

Но тут к нам подошел учитель и строго спросил, что я делаю.

Я растерялся и сказал: – Да вот, ... ухаживаю.

Всезнайка

Во вторую смену в нашем спаянном дружкой пионерском отряде появился новичок. Обычный такой белобрысый парнишка.

Как почти всегда бывает среди мальчишек, мы исподволь к нему присматривались, говорили особенно громко и соревновались в остроумии.

Я даже сальто перед ним сделал, но неудачно, – в косяк врезался.

Тут уж мне не до новенького стало, потому что голова разболелась, махнул я на все рукой, расстроился и незаметно ушел в спальную палату. Уткнулся носом в подушку и незаметно уснул.

Разбудил меня унылый звук горна. Это пионерка Света сыграла отбой.

Прошло еще минут пять, и в палате забубнили и зашевелились устраивающиеся в кроватях пионеры.

Вошедшая вожатая ласково потрепала меня по плечу и, несмотря на мой несчастный вид, заставила раздеться. Щелкнул выключатель, погружая нас в темноту.

Я уже засыпал, когда среди темноты началась возня и перешептывание. Затем кто-то тихо взвыл, а кто-то захихикал. Послышался звонкий шлепок, скрип кровати и глухой удар встретившихся подушек.

Вскоре вокруг меня разгорелось нешуточное сражение.

Я повернулся на другой бок и тут же получил по физиономии свернутым журналом, а секундой спустя кто-то перешел по мне на соседнюю койку.

Если до этого у меня и болела голова, то теперь она прояснилась, и, схватившись за чью-то нахальную розовую пятку, я резко потянул ее на себя, мой противник, лязгнув зубами, пропахал носом матрац, а я уже отбивался от другого, с радостью молотя его подушкой.

Нам было ужасно весело, а громкий храп вожатой позволял не слишком соблюдать тишину. То и дело слышалось шлепанье босых ног по пыльному полу и приглушенный клич победителей.

Размахнувшись, я запустил своей подушкой в чью-то бритую голову, но промахнулся, она пролетела мимо и, никого не задев, шлепнулась в дальнем углу комнаты.

Ежась под ударами, я кое-как пробился в стан противника и, отбиваясь ногами от наседавших мальчишек, полез за ней под кровать.

Нашарив ее рукой, я прополз с нею под целым рядом кроватей и осторожно выглянул наружу. Засады, похоже, не было, и я, бодро вскочив на ноги, собирался броситься в новую атаку, когда неожиданно нос к носу столкнулся с новичком.

Тот безмятежно полулежал на своей кровати и, осуждающе покачивая подбородком, наблюдал за развернувшейся битвой.

Увидев меня, с занесенной над его головой подушкой, он ткнул мне пальцем в живот, и когда я от неожиданности согнулся, рассудительно, глядя в мои глаза, авторитетно пояснил: –

Ты неправильно держишь подушку, поэтому и промахнулся.

????????? –вопросительно посмотрел я на него.

А он, взяв из моих ослабших от удивления рук подушку, как-то по-особому ухватился за ее углы.

После этого он объяснил мне, как в подобных случаях поступают английские школьники, где и когда зародилась эта игра и откуда пошло само слово – подушка, чем ее набивали в древности и почему поэт Маяковский вместо нее подкладывал под голову бревно.

К этому времени баталия приостановилась, и в наступившей тишине новичок поведал любопытной аудитории, какие болезни происходят от неправильно выбранной подушки и сколько микро клещей уживается на обычном курином пере.

Дальнейшего я не слышал, потому что крепко уснул, но, судя по сумрачным, не выспавшимся физиономиям моих друзей, лекция продолжалась до рассвета.

После зарядки и сытного завтрака, искупавшись и набегавшись, мы с Юриком засели за шахматы. Расставив фигуры, мы с упоением погрузились в игру и не заметили подошедшего к нам Костика.

–Твоей королеве сейчас придется плохо, – передвинул я

офицера – и тут же услышал за спиной авторитетный голос:
– Не королеве, а ферзю.

Затем в процессе игры Юре было указано, что при нападении на ферзя нельзя говорить – я напал, а надо говорить – Гарде, и что, оказывается, мы с Юркой неправильно разыгрываем какой-то испанский вариант, и что шахматы впервые появились в Индии, где в них вначале играли исключительно султаны, и что сейчас придуманы новые многоклеточные шахматы и там невероятно много комбинаций.

Все это страшно мешало мне думать, и я вскоре сдался.

– Да, Юр, в данной ситуации я предпочитаю защиту, – произнес я и тут же услышал голос Костика: – Защита – это, конечно, хорошо, но бывают случаи, когда и нападение приводит к победе.

С трудом от него отвязавшись, мы вместе с девчонками погоняли мяч по песку и, с воплями загнав их в воду, устроили морское сражение, особенно досталось от меня Машке, которая мне почему-то нравилась, я окунул ее носом в воду раз десять, и, кажется, ее это не обрадовало.

В общем, провели время классно, даже устали. На обед мчались веселые и голодные, даже за рубашками не стали к себе забегать, руки и ноги под краном ополоснули и за стол.

Только за ложки взялись, тут Костик нарисовался, одет по парадному, в носочках белых и при галстуке. Просто ворона белая, среди нашего необутого и неодетого отряда.

Смотрит на нас укоризненно, но помалкивает. Сел за стол,

поковырял котлету вилочкой, скривился. Я как раз за суп принялся, хороший такой суп, наваристый, только собрался из него мяса кусок выловить, как Костик вещать начал.

Для начала он рассказал, из чего и каким образом сварен сегодняшний суп, сколько в нем гнилых кочерыжек и собранных с тарелок вчерашних объедков, затем поведал все технологические секреты изготовления колбасы, рассказав о процентном содержании окурков в ее ливерном собрате и назвав примерное число перемолотых крыс, попадающихся в тонне сосисок.

После такой лекции половина отряда потеряла аппетит, а двое девиц, успевших съесть котлеты, сидели с зелеными лицами и икали.

И началось!

Стоило мне открыть рот, как тут же появлялся Костик со своими познаниями и советами.

Он знал все: почему бутерброд падает маслом вниз, какой длины удилище у удочки, как сделать атомную бомбу и сколько стоит килограмм фиников в Занзибаре.

ОН МЕНЯ ДОСТАЛ! Но я героически терпел, хотя кулаки так и чесались проучить зазнайку. Я просто изнывал от его занудной учености, но терпел, долго терпел, до той поры терпел, пока он как-то за обедом не сказал, указывая на стручок красного перца, что если его порезать ножом вдоль стручка, то он будет сладким, а если –поперек, то горьким.

Тут я не выдержал. Я встал, вытащил его за шиворот из-за

стола и, под одобрителные крики отрядников, тут же перед столовой начистил ему физиономию.

Извините, пожалуйста!

В самый разгар каникул, мы играли в волейбол у самой реки. Место было просто замечательное, побегаешь, попрыгаешь и сразу в воду. Солнышко, травка зеленая под ногами и разумеется музыка! Хорошо, привольно и весело, тем более команда из сверстников подобралась отличная, как на подбор. Мяч так и летал в воздухе, лишь изредка касаясь земли.

Настроение у всех было веселое, сплошные белозубые улыбки, смех, шутки, ни одной мрачной физиономии, и весь день обещал быть таким же прекрасным, да и был бы таким, если бы не появился мой школьный друг Мишка и все не испортил. Друг то он хороший, ничего не скажешь, а вот игрок в волейбол из него никудышный, но это я знаю и весь наш пятый класс, а Мишка об этом даже не догадывается. Самоуверенности у него на четверых хватит.

Увидел я его издалека. Идет такой загорелый, нарядный, в шортах по колено, на пальце футболку крутит. К нам не подошел, остановился в сторонке, дождался, когда разгоряченные игрой ребята в речку бросились, помахал рукой – поздоровался.

– Играете? – спрашивает. – А я вот с дачи только приехал.

Ну, присели мы с ним на берегу, поболтали о разных пустяках недолго, пару раз искупались, на спор реку переплыли, порезвились в воде вдоволь и на полотенцах вытянулись.

Отдыхаем.

Жарко, солнце лучами мокрый живот приятно греет, лежу, нежусь, сквозь пальцы на небо синее шурю, загораю.

А в воздухе, рядом – Бац, бац – мячик летает.

– Может, сыграем? – потянулся Мишка, и сразу в два раза стал длинней.

– Что-то не хочется, – зевнул я, с интересом наблюдая, как он укорачивается до обычных размеров.

– Да ладно, давай разомнемся, – решительно поднялся мой друг, и со словами: – Давненько не брал я в руки волейбольный мячик – втиснулся в общий круг.

И началось!

Мяч то улетал в поднебесье, и его долго нетерпеливо ждали, то со свистом рассекая воздух, мчался в сантиметре от земли больно отбивая босые ноги игравших мальчишек, а то и вовсе, подняв столб брызг далеко падал в воду.

Устав ругаться и нырять и сообразив, что бездарного Мишку им не переделать, ребята, махнув на него рукой, избрали новую тактику, теперь только внезапный порыв ветра, или ошибка подающего могли заставить мяч лететь в его сторону.

С этого момента игра вновь вошла в спокойное русло, и мячик весело носился над поляной – Бац, бац!

Все кроме Мишки остались довольны, а отдыхающие рядом люди вздохнули с облегчением и занялись своим делом: кто приготовился к заплыву, а кто – к приему пищи. Встал и

я, лениво стряхивая ладонями прилипшие к телу песчинки, и тут же подскочил как ошпаренный под каскадом ледяных брызг, поднятых промчавшейся рядом и повизгивающей от избытка чувств мокрой, но счастливой дворняжкой. Ее щенячий восторг разделяла только настигнутая, и приятно вопившая хозяйка!

Время близилось к полудню, плеск волн и крики малых детей смешивался со звоном ножей мисок и кружек, откуда-то издали потянуло шашлычным дымком, заставившим меня облизнуться.

Я обвел взглядом безоблачный горизонт, сочные краски лета наполняли мою грудь дрожью восторга. До чего же красиво, невольно улыбнулся я, и, добежав до реки, с шумом бросился в воду.

Проплыв метров десять под водой я вынырнул, фыркая и отплевываясь, и поборовшись с течением бодрый выскочил на песок.

– Иди к нам – позвали меня ребята, а мячик так и носился над ними, весело напевая свое бац, бац.

Все-таки здорово летом и радостно, подумал я, со звоном отбивая от себя мяч, затем еще раз и еще. Не игра, а наслаждение, я обо всем позабыл, прыгая и отбегая, только небо и мяч и мои ладони то ласково шлепающие его, то сжавшиеся в кулак. Здорово! Куда лучше!

Еще немного и я бы стихи стал, сочинять, может быть, прославился бы. Но тут Мишке надоело бездействовать.

Понаблюдав за мной, и, видимо решив, что сумеет не хуже, он стал носиться между игроками с чумными глазами, шарахаться из стороны, в сторону, пихаясь локтями и, нахально перехватывая мяч у озадаченных мальчишек.

Никто не ожидал от него такой прыти, тем более я, но для хорошей игры, этого оказалось мало, отсутствие навыков, увы, не замедлило сказаться.

Бац! И мяч, посланный неверной рукой, вылетел за границу круга, ударился о ствол дерева и срикошетил в чью то лысо-бритую голову.

– Ах, извините, пожалуйста, – помчался за мячом Мишка.

–Ничего, мальчуган, бывает, – улыбнулся потерпевший, мужчина лет пятидесяти, и обернулся к своей жене, раскладывающей на чистой газете, фрукты и овощи.

–Ты поосторожней, – в полголоса предостерег я вернувшегося друга

– А, пустяки, ерунда – отмахнулся тот, – с кем не бывает.

И снова мяч заносился между нами, но теперь он летал как- то нервно, неровно и криво. Теперь каждый боялся повторения.

Бац, бац, бац, летал мячик, бац, бац,....б..б..блямс – это мячик вновь вылетел за пределы круга и шлепнулся в чью то пустую миску.

Все затаили дыхание..... но видимо хозяин или хозяйка этой посуды в данный момент отсутствовала. Все было тихо, и мяч, под настороженные взгляды пляжников вернулся об-

ратно в нашу компанию. Мишка, при этом, глядя на меня, разводил руками и улыбался, словно говоря, вот видишь, я здесь не причем.

Игра продолжилась, но я что-то перестал ей наслаждаться. Напротив, она стала мне в тягость. Каждый раз, когда мячик летел в мои руки, я лихорадочно думал, вычисляя, в чью сторону его послать, что бы ни дай бог не промахнуться.

Разумеется, вскоре я послал мяч прямо в направлении все того же бритоголового.

Если бы я специально в него прицеливался, то и то удар бы не получился точнее. Со свистом, пролетев в дюйме от его носа, снаряд выбил из его рук коробок спичек, от которого тот собирался прикуривать.

Я одновременно затрясся от страха и неудержимого смеха. Даже из безопасного далека, я видел, как покраснели его уши и чуть отставая, медленно наливается кровью толстый загривок.

А Мишка будь он неладен со своей вежливостью, тут как тут, уже мчался к нему с глубокими извинениями.

– Опять ты, – через силу цедя слова, обречено уставился на него бритоголовый, и после, долгих, противоречивых раздумий, нехотя отдал Мишке мяч.

Пока тот триумфально возвращался, до меня донеслись обрывки фраз жены бритоголового:

– Успокойся Ваня, ведь это же дети, они не нарочно...

– Видишь как я его, – возбужденно подмигнул мне друг, –

вот она интеллигентность. Вежливость и еще раз вежливость и все тебя полюбят и будут тебе улыбаться, даже если ты им кирпич на ногу скинешь.

Я кисло улыбнулся, а игра пошла совсем вяло.

– Ну, хватит! – решил я, и собирался закончить эту игральную пытку, когда – БАЦ

Мячик, в очередной раз вылетел из круга и с убойной силой БЛЯМС врезался в разложенные на газетке продукты, овощи и фрукты бритоголового.

Мало того, что он врезался со всей дури, так что вилки и ножи взлетели в воздух, в довершении всего, он умудрился смачно ввинтиться в огромный спелый помидор, который разорвался подобно осколочной гранате, мгновенно накрыв брызгами лица и одежду бритоголового и его жены. Но главное – еще не отгремела канонада, еще не окончился помидорный дождь, а Мишка уже мчался извиняться:

– Ради бога извините! – кружил он вокруг них, поднимая тучи песка.

Но те, не обращали на него внимания, оторопело, уставившись, друг на друга и отряхивались с непонятным остервенением. Наконец, кое-как, вытерев лица остатком газеты и прочистив уши, они услышали стенания моего друга, и медленно обернулись.

– Ах, простите, ах извините, – рассыпался тот в извинениях, не замечая очень недоброжелательного и опасного взгляда.

Секунд двадцать бритоголовый молчал, но молчал слишком красноречиво, молчала и его жена с лицом напоминающим соковыжималку.

Остальные пляжники тоже молчали и сидели с каменными лицами, но по другой причине, я видел, каких трудов им стоило не завизжать от смеха.

– Это опять ты?

Со стороны казалось, что бритоголовый не верит своим глазам.

– Да, это опять ты! – удовлетворенно подтвердил он свое подозрение, поднимаясь с колен

– Ну, сейчас я тебе засранцу покажу и спасибо и, пожалуйста. Ты меня век помнить будешь, волейболист хренов!

И он с такой скоростью помчался за напуганным Мишкой, что тому еле удалось спастись, запрыгнув в высокую крапиву.

Мужик, ожегшись, приостановился, и, глядя на страдающего Мишку свирепыми глазами, долго ругался.

Я в это время прятался далеко в кустах, но последние его слова слышал отчетливо: – УБИВАЛ БЫ ТАКИХ ВЕЖЛИВЫХ!

Детективная история.

Это случилось в середине июля. Мой братец вторую неделю тянул лямку в пионерском лагере и, судя по его отчаянным письмам, влачил там безрадостное существование.

Послания его грамотностью не отличались, но были полны жалоб и вселенской тоски.

Однако это не мешало мне резвиться на полную катушку.

Жили мы в поселке, расположенном в живописных приокских местах, в снятых на лето у Марфы Петровны двух комнатах.

До реки было сравнительно недалеко, около километра. Но я, как и большинство моих сверстников, предпочитал ездить к ней на велосипеде.

Сама поездка таит в себе массу очарования, когда ты мчишься по тропинке среди величественных сосен, обдуваемый прохладным ветерком.

Я выезжал рано утром. В лесу было тихо, и только пение птиц да дребезжание моего росинанта нарушали безмолвие. Как правило, вскоре меня нагоняли проспавшие зорю друзья, и начинались гонки. Велосипеды превращались в норовистых коней, а мы – в диких индейцев. Лес сразу наполнялся нашими криками, железные кони вставали на дыбы и рвались в бой.

Вскоре я безнадежно отставал, видя далеко впереди себя

смуглые спины товарищей. Однако все это были пустяки, и, оставив зарывшиеся колесами в песок велосипеды, мы босиком добежали до реки, с размаху кидаясь в прохладную бодрящую воду.

Наплескавшись до синевы, мы, обессиленные, выползли на горячий песок и блаженствовали под лучами солнца. Пляж, окружавший нас, был огромен. Заросший во многих местах лопухами и неизвестными мне колючими растениями, он представлял для нас великолепный полигон для мальчишеских игр. Мы расстреливали друг друга из пулеметов, дрались на деревянных ножах, снимали скальпы и устраивали засады на ничего не подозревающих отдыхающих.

При таком положении дел родители видели меня лишь за завтраком и иногда за обедом.

К ужину я приползал на обессиленных ногах и, скинув шорты, замертво падал на набитый соломой матрац-диван, стоявший на открытой веранде. Спать внутри в душных комнатах было невозможно, а здесь меня обдувал ветерок.

Утром все повторялось сначала, и так изо дня в день. Такое полудикое существование мне нравилось, зато мама, глядя на мой темный загар, надоедала постоянными требованиями почаще находиться в тени и одевать рубашку.

В играх время летело необыкновенно быстро, дни сменялись днями, и я не заметил, как прошел месяц.

Со дня на день должен был приехать на пересменок мой брат, и наше семейство, к моему неудовольствию, засобира-

лось в город.

Я не видел особых причин для своего присутствия при встрече и новых проводах брата, справедливо считая, что там и без меня обойдутся.

Признаюсь честно, я не успел соскучиться по своему братцу. За зиму он мне и так надоел! К тому же скучать по дому он давно перестал, вполне довольный своей жизнью. Его последние письма ярко об этом свидетельствовали. Написанные корявыми, мелкими буквами, наискосок в правом нижнем углу огромного листа, они содержали несколько коротеньких фраз типа: – Мама и папа, живу я хорошо. Пришлите еще печенья. Здравствуйте, ваш сын Андрюша.

Не подумайте, что я перепутал их очередность, просто братец писал слова по мере важности в сторону убывания.

Узнав о моем нежелании покидать деревню, мама вначале расстроилась, но, посоветовавшись с папой, подозрительно легко согласилась. Я даже обиделся на нее, решив, что она рада от меня избавиться.

И вот я стою по щиколотку в пыли, а вдалеке затихает натуженный рев перегруженного автобуса. Раннее утро, и я предоставлен самому себе. На целых четыре дня!

Не торопясь, зарываясь пальцами ног в песок, я направляюсь через всю деревню к нашему дому. Солнышко едва взошло, но уже ласково греет, и я наслаждаюсь теплом и прохладой.

Мимо проходит пастух, подгоняя малочисленное стадо,

кудахтают за забором куры, где-то звякнуло ведро.

– Все прекрасно и замечательно, – думаю я, открывая калитку, и застываю с открытым от удивления ртом.

Марфа Петровна – наша хозяйка, с кочергой наготове за- таившись, сидит на карачках за колодой дров, неподалеку от сарая, и напряженно всматривается в его раскрытую дверь.

Первой моей мыслью было, что старуха окончательно спя- тила. И от такого предположения мне стало не по себе.

– Марфа Петровна, – тихо позвал я ее, предусмотрительно отступая на безопасное расстояние, – что с вами?

Я думал, она подпрыгнет от неожиданности, но та, обер- нувшись в мою сторону, раздраженно зашикала.

На лбу ее расцветала здоровенная шишка, и я немного успокоился.

– Иди сюда, – позвала она меня усиленно жестикулируя, – слава богу, ты пришел, а то уж больно страшно!

И она поведала мне странную историю.

Как обычно, встав спозаранку, Марфа Петровна хлопота- ла по хозяйству. В процессе работы ей понадобилось, что-то в сарае, куда она легкомысленно и отправилась.

Открыв засов, она смело вошла в темное помещение – и тут же получила крепкую затрещину!

– У меня аж искры из глаз посыпались, – пожаловалась она, потирая солидную выпуклость на лбу. – Хорошо еще я не растерялась, наугад, как размахнусь, да во что-то мягкое врежу, и бегом сюда. Ну, думаю, коли за мной погонится, тут

я его..... ну, в общем, с криками удеру. А он, гад, затаился, не выходит! Уже полчаса здесь сижу без толку!.....Боюсь, как бы он не спер чего ценного из сарая!

– Да что, Марфа Петровна, у вас в нем может быть ценного? – удивился я.

– Много чего! – несколько сварливо ответила хозяйка, и, по-видимому, решившись на что-то, обернулась ко мне:

– Ну, я пошла! Пойду проверю, можа он сбежал через щель какую.

Свое нападение она проводила крайне воинственно, при этом подбадривая себя криками типа: – Эй ты, выходи, я уже милицию вызвала!

Мне все это было безумно интересно и немного страшно-вато.

Более всего меня удивило бесстрашие нашей хозяйки, когда она, распахнув пошире дверь, храбро вошла в сарай.

Не скрою, я затаил дыхание, а спустя пару секунд услышал глухой звук удара (палкой по голове), ругань и стенания, после чего увидел и саму хозяйку, пулей вылетевшую из сарая с очередным фингалом.

Она бежала так, словно за ней гналась стая волков, и если бы не мой окрик, снесла бы забор.

Придя в себя, Марфа Петровна начала истошно кричать, призывая на помощь, чем до смерти перепугала старичка соседа, который тут же исчез в недрах своего дома.

В общем, крики «убивают и грабят» дали обратный эф-

фект. Прохожих словно ветром сдуло, а на противоположной стороне улицы зачем-то включили на полную громкость музыку.

– Беги в милицию, – хватаясь за сердце, прошептала несчастная старуха. – Скажи, бандит с тюрьмы сбежал, у нас прячется.

– Один? – уточнил я.

– А кто его знает, – с сомнением потрогала она шишки, – говори что много, быстрее приедут.

Мне не очень хотелось оставлять ее одну, но и пользы от меня здесь не было, да и страшно стало настолько, что я пожалел, что не поехал с родителями в город.

Местного милиционера я нашел не сразу. В будке его, как всегда, не оказалось, дома тоже. Только пораспрашивав соседей, я обнаружил его в одних подштанниках на прилегающей к участку лужайке, за распитием какой-то бутылки, которую он при виде меня тут же спрятал.

– Чего надо? – недовольно спросил он меня, почесывая внушительное брюхо.

– Бабка Марфа в сарае бандита держит! – выпалил я.

– Прячет что ли? – несколько озадаченно переспросил тот.

– Да нет же! – в досаде на его бестолковость разъяснил я. – Бандит в сарай забрался, палкой дерется, не выходит!

– Так уж не выходит, – усомнился он, – палкой, говоришь, хе- хе. Ну, что ж, веди.

– Вы бы пистолет захватили да приоделись, – напомнил я ему.

– Все это ерунда, – отмахнулся тот, – я его одними руками в бараний рог согну. Плевое дело!

Дошли мы довольно быстро, несмотря на то, что блюстителя порядка слегка штормило.

Бабка Марфа, все это время не покидавшая свой наблюдательный пост, бойко отрапортовала, что никаких попыток прорваться противник не предпринимал.

Милиционер снисходительно выслушал ее, с уважением поглядывая на бугристо-лиловые выпуклости старушкиного лба. Они явно произвели на него сильное впечатление, потому что, покричав с безопасного, по его мнению, расстояния, чтобы невидимый злодей немедленно сдался, тот заторопился к себе за амуницией.

Полчаса, которые он отсутствовал, показались мне вечностью.

Ветер гонял по двору кусок кравтового пакета, и тот зловеще скрежещал в безмолвии. Тихо, тихо перемещались стрелки на часах, а главное, слишком медленно.

Наконец на нашей сонной улочке раздалось дребезжание, а вскоре появился наш защитник в форменной рубашке и даже в сапогах.

Приехал он для быстроты на старом двухколесном драндулете, и вид у него был очень бравый.

– Ну что, – соскочив на землю, спросил он, – никак не

проявился?

– Молчит, гад! Затаился! – ожесточенно подтвердила Марфа, погрозив невидимому обидчику старческим ревматическим кулаком.

– Удрал давно, наверное, – с надеждой предположил милиционер, доставая из кобуры пистолет ПМ.

Дело принимало серьезный оборот, и я, затаив дыхание, следил за его действиями.

В отличие от бабки тот продвигался к сараю бесшумно, почти на цыпочках. И лишь ворвавшись внутрь, грозно зарорал: – Всем руки вверх! Стрелять буду!

Затем в сарае вновь прозвучал знакомый звук, послышалась какая-то возня, закончившаяся новым ударом и градом ругательств. После чего на божий свет вывалился весь избитый милиционер. Обернувшись, он с остервенением нажимал на спусковой крючок, извлекая из пистолета еле слышные щелчки. Еще раз, выругавшись и в конец, озверев, страж порядка, передернув затвор с криками: – Ах ты, паскуда! Драться!?! – вновь скрылся в недрах сарая.

Судя по звукам, там началась страшная потасовка, рев и удары следовали один за другим. Но внезапно все прекратилось. Последнее что мы слышали был смачный шлепок по голове бедолаги, сдвоенный выстрел и его предсмертный стон. После чего наступила мертвая тишина.

Я и бабка Марфа тряслись от страха, а столпившиеся после приезда милиционера зеваки залегли прямо в пыль.

– Звони в РУОП, – посеребрившими губами произнесла старушка. – Беги, беги, – подтолкнула она меня к калитке.

Дважды упрашивать меня не пришлось. Я обернулся назад лишь у административного здания.

Телефон РУОПа я, конечно, не знал и, ворвавшись в помещение, мимоходом до смерти перепугал местную власть ужасным рассказом.

Дрожащей рукой председатель поселкового совета набрал по телефону 02, а так как после бега я запыхался, стал сам объяснять в трубку, что бандит убил одного и взял в плен двух милиционеров коих и удерживает в сарае, пока не предъявляя никаких требований.

И тут закрутилось!

Не прошло и часа, как в село въехало два грузовика, набитых до отказа молодыми солдатами из близко расположенной части. Каждый из них был вооружен автоматом и парой гранат.

Их командир, пожилой подполковник, явно приехавший не по чину в надежде на ордена, зычно приказал ротному окружить опасный участок и окопаться.

Вскоре солдаты с испуганными лицами почти попластунски рассредоточились по периметру, предварительно отогнав все увеличивающуюся толпу зевак.

Ко мне как к очевидцу это отношения не имело, и я в восторге шнырял между подполковником, председателем и ротным с удовольствием глаза на все их приготовления к штур-

му.

– Да, – радостно думал я, – вот настоящее приключение! Глядишь, и телевидение понаедет.

Похоже, что подполковник надеялся на то же. Его громовой голос раздавался то тут, то, там заставляя всех понять, кто здесь главный.

Время шло, и волнение улеглось. Все ждали омовцев, но те не торопились.

Прошел час, другой, но никто не ехал.

Председатель вновь пошел к себе, поклявшись не слезать с телефона пока не придет помощь.

Дисциплина среди солдат постепенно падала, и те от нечего делать швыряли в сарай камешки. Но тот отвечал гробовым молчанием.

Лишь к трем часам прибыли омовцы, чем вызвали новое оживление в поредевшей толпе. К версии о заложнике они отнеслись довольно скептически, а, услышав, что в течение дня от преступников не поступило никаких требований, они предположили, что в сарае засел или засели какие-нибудь психи, замочившие милиционера.

Покричав для протокола в мегафон, они оперативно приступили к захвату преступников, зашвырнув для начала в раскрытую дверь сарая дымовую шашку.

Зрелище было захватывающее, дым повалил изо всех щелей, а спустя мгновение кто-то большой ломанулся через дверной проем им навстречу.

Его тут же скрутили и, попинав для порядка, под гул всеобщего одобрения повели к автобусу. Мне не терпелось узнать, кто он такой, но тут начался сам штурм, приковав к себе все внимание.

Одетые в противогазы военные, на ходу стреляя холостыми патронами, с ходу ворвались сарай.

Бац, бац, еще мгновение . . . И наступила тишина.

Остатки дыма постепенно рассеялись, и, словно из преисподни, из них появились сумрачные силуэты омоновцев. Один из военных что-то бережно нес на руках.

Когда они подошли поближе, я увидел у одного из них здоровенный фингал под глазом.

Остановившись перед своим командиром, он четко отпартовал: – Задание выполнено, террорист обезврежен. – И бросил к ногам подполковника широченные грабли.

– Вот он, террорист, – опасно пнул он железяку носком ботинка.

Подполковник медленно наливался краской, а его подчиненные еле сдерживали обидный хохот.

– Похоже, он оказал вам яростное сопротивление? – смеясь, спросил руководитель группы. Его слова потонули во взрыве всеобщего веселья. Хохотала вся поляна, омоновцы, солдаты, зрители, ну и, разумеется, я!

Только избитому и помятому милиционеру было не до смеха. К ЕГО ТРЕМ ШИШКАМ РАЗГОРЯЧЕННЫЕ ОМОНОВЦЫ ДОБАВИЛИ БЛАНШ ПОД ГЛАЗОМ, УШИБ

ГРУДНОЙ КЛЕТКИ И ХУГ СЛЕВА В РАСПУХШУЮ ЧЕ-
ЛЮСТЬ, К ТОМУ ЖЕ ОН НАГЛОТАЛСЯ ДЫМА И БЫЛ
ПЬЯН.

Его тут же поместили в санитарную машину, стоявшую
рядом на случай перестрелки, а подполковник, проводив бе-
долагу задумчивым взглядом, удивленно пожал плечами: –
В первый раз вижу человека, трижды наступившего на одни
грабли.

Букашки таракашки

Рядом с нашим домом осушили болото, вернее, большую-большую, не засыхающую лужу, в которой мы по весне плавали на плотках, а летом ловили лягушек.

Наверное, вы думаете, я плакал, когда ее осушали!? Со-всем наоборот! Я радовался!

Со дня на день ожидалось жаркое лето, и я очень наде-

ялся, что мерзкие комары не народятся. Ведь комары – это просто ужас!

Когда-то тетя Агата учила меня любить букашек и таракашек, и я любил! Любил и букашек и этих самых таракашек, любил до тех пор, пока мне не всыпали как следует за последних, запретив приносить их домой. Именно тогда я ясно понял, что издалека любить можно и крокодила, – потому что издалека он не кусается!

А комаров я даже издалека ненавижу, хоть и считается, что они полезны для лягушек, я их все равно ненавижу!

Я вам расскажу историю, которая со мною произошла прошлым летом, и вы меня наверняка поймете.

До двенадцати лет я встречал комаров только в лесу, но когда в нашей стране началась перестройка, комары появились и у нас в доме.

Разумеется, это не был заранее продуманный поход вредных насекомых, просто всем стало на все наплевать, и никто не удосужился опрыскать антикомариной жидкостью наше болото, вот они и народились!

В тот год стояло прекрасное жаркое лето, и я с ребятами дни напролет проводил у реки. Мы плавали, дурачились, играли в волейбол, пили квас и не вылезали из плавок. Жизнь радовала нас на всю катушку, но настал день, когда эти комары народились.

К вечеру голодный и усталый я, еле волоча ноги, вернулся домой. Попрыгав под холодным дождиком из душа, я растя-

нулся на простыне и, вслушиваясь в звуки еще не уснувшего города, увлеченно грыз большое зеленое яблоко.

Из раскрытых настежь окон веяло ветерком.

Выключив свет, я на цыпочках вышел на балкон. Нагретый за день дом дышал жаром – я чувствовал его голой спиной. Тем приятнее были прохладные перила, на которые я облокотился. Я с радостью поставил бы здесь раскладушку но, увы, балкон, ошестинившийся по углам лыжными палками, отрицал эту возможность.

Поглазев на окрестности и надышавшись вечерним воздухом, я вернулся в жаркую душную комнату и, улегшись поверх простыней, закрыл глаза.

Но уснуть не получилось. Вначале я вспомнил одно, затем другое, потом мне захотелось уточнить третье, вскоре у меня зачесалась пятка и я ее почесал, наконец, улегшись на живот, я впечатал нос в подушку и растворился в дремотных мечтах, но тут прилетели они.

Услышав их противное гудение, я напрягся и замер, надеясь на то, что комары меня не заметят, и, немного полетав, соблазняться более вкусными соседями.

Вяло, покружив надо мной, они вылетели в окно, и я успокоился.

И совсем напрасно – напрасно успокоился, потому что вскоре они вернулись и сразу стали кусаться. Распугав их, крутящимся в руке носком, я, не дожидаясь прилета основных сил вскочив с кровати, захлопнул окно.

Звуки города исчезли, но вместе с ними исчез и прохладный ветерок. В комнате сделалось невыносимо жарко и душно.

Я лежал на кровати в одних трусах, широко раскинув руки и обливаясь потом, и, никак не мог заснуть.

Промучившись, минут двадцать, я не выдержал, и вновь распахнул окно. Во мне теплилась надежда, что носатых разбойников унесло ветром.

Нежась в прохладе, я успел задремать, но меня разбудило знакомое гудение. Широко раскрыв глаза, я обречено наблюдал, как, высвеченные луной, на фоне окна появляются все новые и новые комариные силуэты.

Минут через пять, первый, самый наглый комар с противным писком спланировал мне на нос и принялся по нему разгуливать.

Скосив глаза, я разглядел его раздувающийся от предвкушения хобот! Очень медленно я занес над ним руку и —Хлоп! с размаху припечатал голодного злодея к ладони.

—Ура! Один есть!

Удачное начало придало мне оптимизма, и я затаился.

Где-то под потолком раздражающе монотонно гудели их основные силы, но вот, отделившись от потолка, звук стал приближаться, и, покружив над моим лицом, очередной комар сел мне на живот. Тут же последовал звонкий шлепок, но на этот раз я промахнулся.

Затем я промахнулся еще и еще, и снова, и снова, после

чего, сообразив, что мое тело слишком большой полигон, закутался в простыню.

Прислонившись спиной к стенке, я занял глухую оборону.

Посоветовавшись, комары изменили тактику и напали на меня со всех сторон.

На первый раз я от них отмахался и, держа правую руку над головой, приготовился к новому сражению, но подло подкравшееся по подушке насекомое исподтишка, укусило меня именно в эту руку.

Пока я высвобождал из-под простыни другую руку (для удара), оно, покачиваясь от обжорства, улетело.

Вскоре комары настолько освоились, что принялись разгуливать целыми стадами по защищавшей меня простыне, исследуя своими носами-хоботами, нельзя ли меня укусить через тонкую ткань!

В течение часа я ерзал и лягался, сгоняя их, и вконец измучился.

Спасаясь от этой напасти, я не придумал ничего более умного как вытащить из шкафа толстое ватное одеяло и забраться под него целиком, оставив на поверхности лишь кончик носа.

В таком положении я протрадал полчаса, которые показались мне годами, и созрел для кровной мести. Мокрый как мышь я скинул раскаленное одеяло на пол и, изнемогая от ненависти, принялся гонять комаров по комнате.

В ход пошли все подручные средства: тапочки, полотенце,

рубашка, носок. Я наступал врага то на стене, то на потолке, и тщательно прицелившись, швырял в него какой-нибудь вещью.

Круша их ряды, я испытывал к ним те же чувства, какие испытывал советский солдат в войну к гитлеровцам.

Сбив меткой стрельбой штук семь крылатых тварей, я вспомнил, что комары боятся запаха гвоздики и, забежав в ванную комнату, занялся поисками гвоздичного одеколона.

Обнаружив флакон, я растерся его содержимым до самых пяток, после чего, благоухая, как гвоздичный куст, вновь забрался в кровать.

Первой кого я отпугнул гвоздичным духом, была моя собака, которая, поморщившись, заковыляла досыпать под стол.

Получившие взбучку комары, стали осторожней. Теперь они не гудели, а тихонько приземлившись в отдалении, добирались до меня пешком.

Разгадав их маневр, я злорадно припечатал к простыне пару экспедиций этих тварей и с надеждой стал ждать остальных, но они не торопились.

Все эти переживания сделали меня очень нервным, а потому невнимательным – когда один из комаров решил пролететь возле моего уха, я так треснул по уху ладонью, что на мгновение оглох. Естественно, я промахнулся!

Через час, избитый, но не сломленный, я вновь поднялся. Я находился в таком состоянии раздражения к этим суще-

ствам, что готов был сам сдохнуть, но их уничтожить!

Вначале я травил их из баллончика дезодорантом, затем, притащив из кухни металлический поднос, поджег на нем скомканную газету и напустил в комнату дыму. Если бы у меня был огнемет, я непременно бы им воспользовался!.....

Проведя газово-химическую атаку и ничего не соображая от бессонной ночи и дыма, я, не дожидаясь, когда он рассеется, рухнул в кровать.

Не знаю от чего, то ли от гвоздичного одеколona, то ли от комариных укусов, а может от того и другого, но все мое тело чесалось. То тут, то там я ощущал укусы и старательно лупцевал себя по ногам, рукам, лбу и ребрам, хотя комаров поблизости не наблюдалось.

Время близилось к утру, и я, закрыв глаза, героически попытался уснуть. Но теперь мне мешало все! Я слышал, как капает вода в туалете, подсчитывал тиканье будильника на столе, и вместо того чтобы погрузиться в спасительный сон вслушивался в каждый посторонний звук.

Стараясь успокоиться я завертелся среди скомканных простыней, зашарил руками поудобнее устраивая подушку, лег на спину, на бок, перевернулся на живот, но не уснул, да и какой тут сон! Вскоре на меня вновь набросились комары, и я, сожалея, что не могу взорвать квартиру, забрался в ванну и, наполнив ее теплой водой, мгновенно уснул.

В восемь утра меня оттуда вытащила спешившая на работу мама.

Комары, – лаконично объяснил я ей, направляясь к себе в комнату за майкой.

Какие комары сынок? – удивилась она, – Мы с папой прекрасно выпались, тебе, наверное, показалось!?

Дорогая покупка.

- Надо завести какое-нибудь животное, – сказала мама.
- Правильно! – обрадовался я. – Купите мне тигра!
- Он тебя слопаёт, – ответил папа.
- Тигры симпатичные! – занял я, но меня не послушались.

Две недели мы обсуждали этот вопрос.

- Надо собаку!
- Нет, кошку!
- Какую собаку?
- Какую кошку?

Слушал я, слушал и говорю: – Купите мне ишака!

- Зачем тебе ишак? – удивился папа.
- В школу ездить буду! Как Ходжа Насреддин!
- Нет! – говорит мама. – Вы сами как ишаки! Такие же упрямые! Мне и вас хватает!

– Ладно, – отвечаю, – давайте заведем сразу и кота и собаку, чтобы не спорить.

Я думал, это их обрадует! Так нет же! Снова заспорили! Как будто не мне животное покупают! Чуть не переругались со своими собаками и кошками.

В конце концов, решили купить собаку, и не какую-нибудь, а породистую.

Приехали мы на птичий рынок! У меня глаза разбежа-

лись. Настоящий зоопарк!

Один мужик лису продает, другой заморского попугая, между ними бабка лягушками приторговывает, да не зелеными, а какими-то противно белыми.

– Мам, – говорю, – купите мне попугая! И лису, и вон того хомяка с выпученными глазами.

– Подожди! – отвечает мама. – И вообще это не хомяк, а австралийский лемур! На него бананов не напасешься!

– Красивый! – вздыхаю я, и тут же отвлекаюсь на новое чудо.

– Крокодильчики! Кому крокодильчиков! – орет красно-рожий детина в матроске.

– Настоящие? – округлив глаза, шепотом спрашиваю я.

– Смотри! – говорит детина, засовывая свои пальцы-сардельки в оцинкованное корыто.

– Ай, – отшатнулся я, увидев маленьких, как прищепки для белья, крокодильчиков, болтавшихся на его пальцах.

– Голодные! – радостно сообщает он мне. – И злые!

– До свидания! – спешу я распрощаться, и догоняю родителей.

Те прицениваются к породистой собаке. Очень красивой!

– Сколько!?! – переспрашивает мама, и глаза ее округляются, словно она тоже увидела крокодила.

– Пап! – тяну я. – Пошли купим крысу! Вон она в клетке умывается!

– Только не крысу! – решительно возражает мама и берет

меня за руку.

Мы мчимся между прилавков и покосившихся ящиков. Все вокруг крикает и хрюкает. Я в восторге! Но мама, не останавливаясь, проходит мимо маленького слоненка, минует семейство ежей, банки со змеями и зубастыми пираньями и останавливается перед корзиной с персидскими кошками!

Услышав цену, мы идем дальше. Вот и мой любимый ишак! Но мы проносимся на такой скорости, что я не успеваю затормозить сандалетами.

Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, у мамы испортилось настроение.

Она приценилась к щенкам колли, затем к очень смешным неуклюжим овчаренкам. Вынула из сумки деньги и, вздохнув, сказала папе: – Разве это деньги!?! Только на крысу и хватает!

– Пошли купим! – вновь предложил я.

– Отстань! – сказала мама. – В следующий раз придем и возьмем щенка овчарки. Послезавтра у папы зарплата! Должно хватить!

Вышли мы на улицу расстроенные. Особенно я!

Иду понурый! Под ноги смотрю, спотыкаюсь. Вдруг вижу – у помойки котенок сидит. Весь грязный, взъерошенный, с маленьким дрожащим хвостиком.

Нас увидел, поднялся, захромал на трех лапках. Глазки огромные и грустные. Подошел он ко мне, хрипло мяукнул, о ногу потерялся.

Нагнулся я к нему, взял на руки. Осторожно, чтобы лапку пораненную не задеть!

Обернулся к маме и говорю: – Не надо мне собаки.....
Давай его возьмем.

Ананас

Нас пригласили в гости, и я очень обрадовался, в гостях всегда интересно и кормят всякими вкусностями!

Пока мы добирались до места, я жутко проголодался, просто ужас! (Почему-то в гости всегда приходится добираться долго)

Вначале мы ехали на метро с тремя пересадками, затем троллейбусом и автобусом, после чего мои мама и папа запутались в адресе и я испугался, что мы так ничего и не поедим.

Потом мы сели в лифт. С нами ехала большая собака на поводке с хозяйкой, и когда я дернул ее за ухо (разумеется, не хозяйку) та меня чуть не укусила.

Дверь на девятом этаже была открыта, и мы вошли в прихожую. Мне там сразу понравилось – квартира большая, гостей немного и очень вкусно пахнет; именинник – дедушка лет под сто тридцать всем улыбается, за стол приглашает.

Я сразу руки пошел мыть, чтобы не опоздать.

Помыл я руки, в зеркало покривлялся, по коридору побродил, даже на кухню заглянул. Там какая-то тетенька лет восьмидесяти помидоры в салат резала. Меня увидела, заулыбалась: – Откуда ты такой хорошенький взялся!

– Из дома, – говорю, – к вам в гости приехал!

– Один!?! – удивилась она.

– А вы как думаете!?

Ей этот мой ответ очень понравился, она засмеялась, назвала меня умным мальчиком и стала угощать всякими овощами.

– Нет, морковки я не хочу, – вежливо отказался я, – вы мне лучше огурчик малосольный дайте, если можно.

Съел я этих огурцов, наверное, пол банки, это все, оттого что я их очень люблю и не могу вовремя остановиться. Съел и пошел в гостиную, с именинником поздороваться, а то я об этом вначале позабыл как-то.

Захожу в комнату, а там стол просто сказочный – от продуктов ломится. Тут и винегреты и салаты, и всякие там маслины-паслины и торты-морты. Я признаться за всем этим великолепием и именинника не сразу заметил. Сидит он под огромным букетом, словно под деревом, глаза под очками щурит, чему-то радуется – симпатичный такой, но совершенно мне незнакомый.

– Здравствуйте – говорю, – поздравляю вас с этим.. ну юбилеем и желаю ста лет жизни!

– А!?! – закричал тот, приставив к уху ладонь, – А!?!

– Ему и так сто лет исполнилось! – шепнул мне на ухо, чей то голос, и я растерялся.

– Кто это? – прокричал, глядя на меня, близорукий и глухой столетний дедушка.

– Я – сказал я отступая.

– Дай-ка малыш я пройду, – потеснил меня только что

пришедший гость и принялся с дедом обниматься. Мне очень хотелось ему сказать, что я не малыш, а мальчик, но тут он достал из пакета большущий ананас и я позабыл обо всем.

Я видел ананас второй раз в жизни и уж точно половину этой жизни его не ел. Я тут же представил, как по уши вгрызусь в его сочную, янтарную мякоть и как возьму самый большой второй кусок, а если повезет то и третий. Вообще если честно, я мог бы съесть его целиком один, но такого счастья в гостях, увы, не бывает.

И так я смотрел во все глаза на это чудо, а дед, покачивая головой, сказал тоненьким буратынским голоском:– СПАА-АСИБО!– И как бы между делом добавил – Вообще то мне нельзя есть ананасы!

Вначале я очень этому заявлению обрадовался, а потом испугался, потому что тетка, сидевшая рядом с именинником, со словами: – потом поедите,... как ни будь – хотела убрать ананас со стола. Я чуть не заорал на всю квартиру: – Ведь он не ест ананасы! Но дедуля, вяло, махнув рукой, произнес: – Пусть стоит, может, захочет кто?

Настало время обеда, и гости, шурша платьями и пиджаками, стали устраиваться. К этому моменту ананас успел переместиться от центра стола на его окрестности. Усевшись за стол, я заметил его макушку и облизнулся – я просто глаз от него отвести не мог.

Тут началось произнесение тостов и всякие скучные по-

здравления, все оживленно переговаривались, пили и ели, а ананас стоял себе совершенно нетронутый и пылился. Перед моими глазами проносились картины, как его разрезают и тут же съедают, но наяву все обстояло иначе. Почему-то именинник напрочь забыл об ананасе, хотя он тот нахально стоял прямо перед его носом и этот нос его слегка задевал.

День рождения праздновался уже полчаса! Я это точно знал по своим часам, а на ананас никто не покусился! И тут я испугался, что ананас испортится! Это было настолько возмутительно, что я не выдержал и, привстав, громко сказал: – Какой красивый и вкусный ананас вам подарили!

В наступившей тишине именинник улыбнулся мне и затряс головой: – Да, да, спасибо малыш, – и, указав на горки салатов и печений, пропищал своим буратынным голосом: – кушай милый, кушай, угощайся, хочешь конфетку?

Я хотел вовсе не конфетку и подумал: – Какой хитрый и жадный этот старик, ведь сам же только что говорил, что не ест ананасы, а теперь придуривается.

– Ананасы! – громко сказал я сидящей напротив маме, – Очень быстро портятся и их нельзя долго хранить!

Именинник сделал вид, что плохо слышит, а мама прошептала мне, что я веду себя неприлично.

Но мне так хотелось его попробовать!

Когда мы собирались домой, ананас все еще лежал нетронутым на подносе, и это зрелище совершенно испортило мне настроение, я даже не запомнил чего и сколько я съел и как

много конфет нашло приют в моем желудке.

Напоследок я обглодал глазами этот восхитительный ананас и проглотил слюнки! Уходя я прикоснулся кончиками пальцев к его шершавому боку, еще раз оглянулся и ушел.

А ананас!?! – Я до сих пор не знаю, что с ним было дальше.

Самостоятельный

Я вышел в школу пораньше. Так мне захотелось! Шагаю и думаю, какой я сегодня самостоятельный: завтрак себе приготовил, галстук утюгом прогладил.... Утюгом?!... Да..... А я его выключил?

Иду и голову ломаю, выключил или не выключил. Хоть ты

тресни! Не помню!

Настроение, понятное дело, испортилось! Прохожу мимо помойки, а она дымит, кто-то окурок в нее бросил.

Ну нет, так дело не пойдет! Придется возвращаться, и лучше побыстрей. Мне пожара не надо!

Давно я так не мчался! Взлетел на свой этаж метеором! Дверь дрожащей рукой открыл. Вроде ничего! Дымом не пахнет. И вообще, в квартире тишина, лишь вода из крана капает: – Кап, кап.

Захожу в комнату. Слава богу! Утюг стоит выключенным, оказывается, я его даже под стол убрал. Правда, не помню, когда я это сделать умудрился.

Забежал я на кухню, чайник с плиты снял, горячего чайку глотнул, чуть не обжегся! И бегом в школу.

До середины пути добежал. И вдруг меня как по голове ударило, чего я перед уходом пил?.... Правильно.... Чай горячий! А почему он горячий?!... Может быть, я газ забыл выключить?

Что ты будешь делать! Посмотрел я на часы, рукой школе помахал и обратно вприпрыжку. Вновь поднимаюсь на четвертый этаж, прохожу в кухню. Все горелки затушены, ничего не горит, только кран противно капает – КАП, КАП (чтоб ему пусто было!)

На всякий случай, я чайник с плиты снял, каждую конфорку обнюхал. Два раза от двери возвращался, все комнаты заново проверил, чтобы никаких сомнений больше не воз-

никало.

Сбежал я вниз и тут вспомнил, что перед выходом в зеркало не посмотрелся! Плохая примета!

Плюнул я с досады. Вернулся уже злой. Дверь пинком распахнул. В зеркало глянул и в школу помчался.

Метров двести до нее оставалось, когда я вспомнил, что входную дверь на ключ, кажется, не закрыл.

Повернулся я и назад поплелся. Вскарabкался по ступенькам до своей квартиры. Подергал за ручку. Вроде закрыта! А может быть, воры все вынесли и закрыли.

Пришлось отпирать. Пока я с ключами возился, тетя Глаша с первого этажа на меня поглазеть притащилась.

– Ты что это, – спрашивает, – мечешься? Уже четвертый раз мимо меня пробегаешь!

– Ничего, – говорю я ей вежливо, – это не ваше дело!

Зашел в квартиру, все на месте, ничего не пропало, чайник не кипит, конфорки не горят, утюг из розетки выключен, кран, сволочь, капает.

Кое-как его закрутил, в зеркало посмотрел, дверь захлопнул, на два замка закрыл, и в школу!

Захожу в коридор, а там тишина, все ученики по классам разошлись. Уроки уже начались.

Подхожу к нашему кабинету, робко в дверь постучал: – Можно войти?

– Входи, Гольцов, – говорит учительница, – ты чего это опаздываешь?

Смотрит на меня строго, дождалась, пока я за парту сел, и спрашивает:

– А где, Гольцов, твой портфель, неужели дома оставил?

Секретное оружие

Я шел из школы. Настроение было отличное! Две пятерки! Одна по литературе, другая по истории. Да еще к тому же Васька Клеточкин подарил мне замечательный гаечный ключ! Отличный такой! Блестящий! Никелированный и здоровый!

Нести в руке его было неудобно, поэтому я положил подарок в портфель.

Я шагал и насвистывал разные мелодии. Под ногами весело хрустел ослепительно белый снег. На голубом небе сияло солнце. Звенели голоса игравших в снежки первоклашек!

– Тра-ля-ля! – пропел я, открывая дверь своего подъезда, – Тра....., – не закончил я песню, столкнувшись в темном тамбуре с двумя пренеприятными личностями.

– Эй, мужик, – прохрипела одна из них ломающимся подростковым голосом.

– Я не мужик, а мальчик, – вежливо уточнил я.

– Еще слово скажешь, получишь в лоб! – пообещала вторая личность и нагло потребовала: – Деньги давай!

– Нету, – чистосердечно признался я, подразумевая, что для них денег у меня никогда не будет!

– А по морде? – дружелюбно предложила все та же личность.

По морде я не хотел и поэтому полез в карман, чтобы от-

далить сей неприятный момент.

– Быстрее! – прошипел первый субъект с написанным (синими чернилами) на пальцах именем Вася.

– Сейчас, сейчас, что-то никак не найду, – лихорадочно шарил я по карманам.

И тут меня осенило!

– Ах, да! Вспомнил! – хлопнул я себя по лбу и склонился над портфелем: – Сейчас, ребята. Одну секундочку. Только защелку отстегну, и вы все получите.

– Ну! – нетерпеливо нагнулся ко мне второй тип по имени Сережа.

– Нашел! – сказал я и треснул его по голове гаечным ключом.

Сережа, со съехавшей от удара на нос шапкой, слепо зашатался. А я, догнав удиравшего Васю, наподдал ему коленкой чуть ниже поясицы.

– Ой, – произнес Вася и с испугу врезался лбом в дверь. Дверь со скрипом распахнулась, и тот радостно дал деру.

Сережа тихо подвывал под почтовыми ящиками, которые при падении случайно сорвал: – За что? – прогундосил он в расплюсченную шапку. – Теперь точно шишка будет!..... Мы же пошутили!

Я пожал плечами и ответил:..... – Я тоже.

Прекрасный рост

Придя в школу, я увидел мальчика, он задевал головой потолок. Я смотрел на него в восхищении – снизу вверх! Надо же так вымахать, ну как дядя Степа!

Мне хотелось взобраться к нему на плечо и посмотреть округу. Везет же некоторым! Такой рост! Не представляю, что бы я сделал, если бы так вырос!

Зазвенел звонок, и мальчик, согнувшись пополам, вошел в класс. Это было просто замечательно! Я представил себе, как он сидит за партой, и его ноги торчат у подбородка, как он восхитительно выделяется среди других. Ведь это так удобно, когда без всяких приспособлений можно поменять перегоревшую лампочку на фонарном столбе! А в кино! В кино ему никто не мешает своей вихрастой макушкой, не заслонит ушами экран.

Если бы я так вырос, я мог бы заглядывать в окна на втором этаже, подсматривать в тетрадки во время диктанта, переходить глубокую реку вброд, заглядывать в птичьи гнезда, снимать напуганных котов с макушек деревьев, воровать яблоки, не перелезая через забор, и делать массу других полезных и интересных дел!

– Он просто невероятно удачливый счастливчик! – с завистью подумал я.

Но стоявшая в коридоре учительница почему-то думала

иначе!

– Бедный ребенок! Он так стесняется своего роста! –
вздыхнув, сказала она.

Стрижка

Вообще-то я очень люблю стричься.

Приходишь в парикмахерскую. Садись на стул с подставочкой, ногами болтаешь, в зеркало смотришь, рожи строишь, а тетенька парикмахерша накидку на тебя одевает красивую, и начинает стричь. Так нежно и приятно, словно по голове гладит, волосы расческой причесывает, ножницами щелкает, машинкой жужжит. Правда, это приятно, когда сзади обстригают, а вот спереди, когда челку делают, мне не нравится, потому что в глаза волосы попадают.

Я как-то по глупости глаза не прищурил, так мне волосы в них попали, ужас как неприятно.

Но теперь я приноровился. Если мне слева челку обрезают, я левый глаз зажимаю, если справа – то наоборот. Но одним глазом обязательно за стрижкой наблюдаю, все над этим смеются и удивляются, а я им иногда объясняю. Раньше я оба глаза зажимал, но после одного случая перестал.

А дело было так.

В один прекрасный солнечный майский день мне мама говорит: – Сегодня едем в гости к бабушке.

Я от радости на одной ноге запрыгал, по комнате кругами ношу и тонким голоском напеваю: – Ты меня сегодня обещала подстричь, а то я совсем лохматый сделался.

– Ничего, – отвечает мама, – до завтра потерпишь, не ма-

ленький.

Когда она так говорит, с ней бесполезно спорить. Подставил я ей свою голову, что бы причесала, так она ее еще сильнее взъерошила, ей почему-то повышенная взъерошенность больше нравится. Всегда мне на мальчиков указывает, у которых волосы на голове либо в колечки завиваются, как у пуделя, либо торчат в разные стороны, словно у одуванчика. Странные вкусы!

В общем, приехали мы к бабушке. Оказалось, слишком рано.

Мясо в кастрюле тушится, картошка варится, всякие вкусности еще не готовы, а есть хочется. Маялся я, маялся. Кусок колбасы со стола стянул, стою пережевываю. Тут дед с работы пришел, важный, в пиджаке с медалями! Меня увидел, по плечу похлопал: – Ты чего, – спрашивает, – лохматый такой?

Я ему объяснять принялся. Он послушал и говорит: – Пошли, пока стол накрывают, стрись. Придешь с новой прической, всех удивишь.

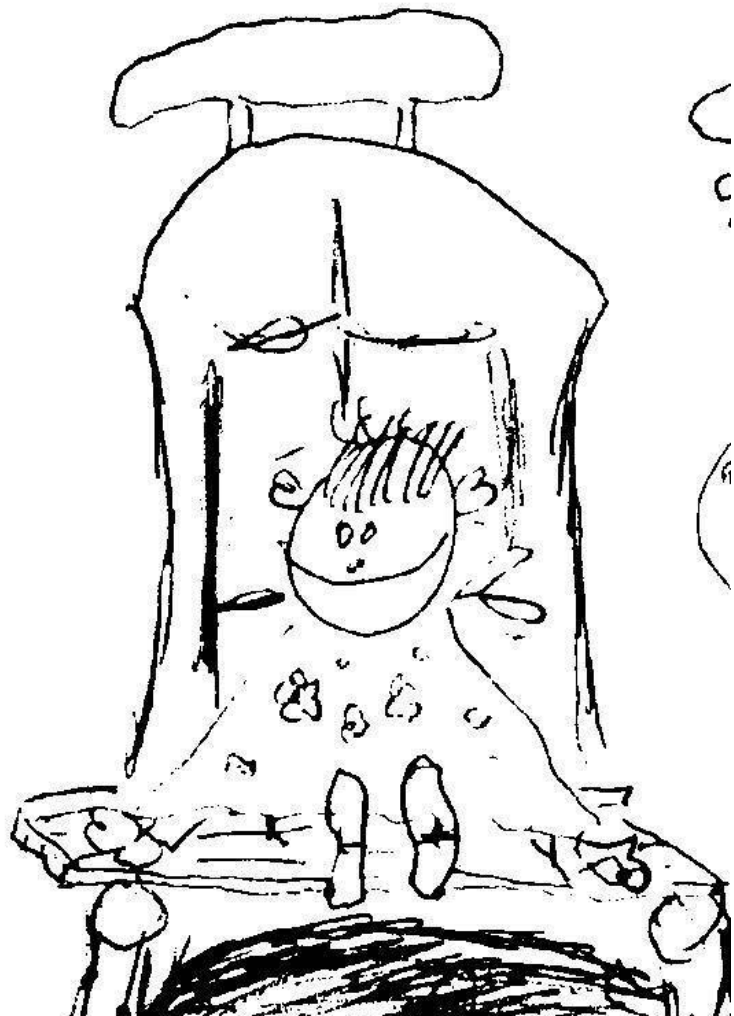
Я сразу согласился! Во-первых, с дедом интереснее, да и парикмахерская другая. Кроме того, скучно мне стало по квартире шататься, под ногами у взрослых путаться.

Вышли мы на большую оживленную улицу. Светло, машины весело гудят, мчатся. Людей полно, как на празднике. Прошли мимо сада Эрмитажа, свернули в тихую улочку, миновали заставленную помойками подворотню.

Заходим в парикмахерскую, народу в полутемном поме-

щении почти никого, но все взрослые.

– Дед, – говорю, – мы, наверное, не туда пришли. Тут детей не обслуживают. Видишь, дяденька лысый в кресле сидит, и еще один у окошка очереди дожидается. Здесь, наверное, парикмахерская для лысых! ...Пойдем лучше в другую.

Ну, он посмеялся надо мной, и даже лысые дяди криво усмехнулись, и отвечает: – В этой парикмахерской и взрослых и детей стригут, так что ты не волнуйся.

Подошел я к двери (в салон). Стал подглядывать, чего тетеньки там делают. Сколько ни глядел, ничего плохого не заметил. Успокоился. Вскоре и дядек лысых подстригли: три волоса завили, а один сам вывалился – вот и вся стрижка. Даже смешно!

Одним словом, пока я все это высматривал, да похихикивал, моя очередь подошла.

Захожу вместе с дедом в салон и мимо теток к креслу – бегом. Тут они все и переполошились. Оказывается, у них скамеечек для маленьких нет. Дед им что-то доказывает, а я его за рукав тяну.

– Пошли, – говорю, – отсюда. Сказал же тебе, здесь маленьких не стригут.

В это время, какая-то толстая тетенька здоровенную доску притащила, положила ее на ручки кресла и меня на нее усадила.

–Ты только не ерзай, – предупредила, – а то занозу засадишь.

Сижу я ни жив и не мертв и думаю, чего из инструмента у них еще (кроме доски) имеется.

На всякий случай спрашиваю:– А у вас ножницы для маленьких есть, а салфетка, а машинка жужжащая, для стриж-

ки?

– Есть, – отвечают они, – а для послушных мальчиков у нас торт приготовлен.

После этого я снова успокоился, (совсем перестал нервничать, даже заулыбался).

Дождлся, пока на меня накидку наденут, и глаза зажмурил. А тетенька с дедом о чем-то разговаривает.

– Как стричь будем? – спрашивает.

В общем, стали меня стричь, и только я к удовольствию приготовился, как бац, с меня салфетку снимают, уши обтряхивают.

– Все, – говорят, – малыш

Смотрят на меня, улыбаются, по голове гладят: – Какой хорошенький мальчик, просто красавец.

Да, думаю, наверное, хорошо подстригли, раз так радуются. Настроение сразу поднялось: – Спасибо, – говорю, – огромное, а торт можете себе оставить, потому что я его не очень люблю (позавчера объелся), а деду в таком возрасте вредно.

Вышли мы с дедом в коридор, я сквозь щель оставшуюся от выпавшего зуба насвистываю, уже на улицу собрался, когда он меня к зеркалу потянул: – Посмотри, как тебя остригли.

– Чего смотреть, – говорю, – главное, что хорошо и тебе нравится.

– Нет, ты посмотри, – настаивает дед.

– Ладно, раз тебе так хочется, – соглашаюсь я.

И глянул. Посмотрел на себя в зеркало – и чуть не свалился. Вместо моей любимой молодежной прически меня под бокс подстригли.

Стою я несчастный и лысый, с маленьким чубчиком на голове, а из глаз сами собой слезы катятся.

– Дед, – говорю, – зачем ты меня изуродовал!? Как я теперь жить буду?

А ему, дураку старому, неясно!

– Чем, – спрашивает, – тебе прическа не нравится? Замечательная молодежная стрижка.

Я его чуть не убил за такие слова! Прическа! Ничего себе причесочка! Засмеют! Ой, точно засмеют! Притом сразу!

Еще позавчера над лысым смеялся. Всем детским садом смеялись. А теперь я сам таким же сделался, даже еще хуже. И зачем я только сюда заявился? Сидел бы лучше дома! Просто кошмар, да и только. На улице показаться стыдно!

– Дед, – говорю, – ты, как хочешь, а без шапки я отсюда никуда не пойду! Ты хоть тресни, не пойду! Орать, кусаться буду, а отсюда ни ногой, пока волосы не отрастут.

После таких слов он растерялся маленько. Стал передо мной заискивать. Обещал мороженого купить, конфет всяких. Раньше бы я с радостью, а здесь какой аппетит. Сразу все желание отшибло, как отрезало!

– Ты бы лучше подстриг меня по-нормальному, а мороженое сам ешь! – захныкал я с горечью.

– Что ж ты мне сразу не сказал, какая тебе стрижка нравится? – стал оправдываться дед. – Сделали бы тебе твою любимую прическу.

– УУУУУ... да разве ж я знал, что есть другая!?! – шмыгая носом, залился я слезами.

Ну, тут тетеньки вокруг меня забегали, сюсюкают, утешают. А я ну ни в какую – вцепился обеими руками в стул и реву: – Не пойду без шапки! Хоть убейте, не пойду.уу..уууу!

Дед совсем растерялся, хлопает себя по карманам, в пиджаке шарит. Кроме носового платка, ничего не нашел. Стал на мне примерять, а тот даже до ушей не доходит, совсем маленький оказался. Наконец, тетка-парикмахерша свой принесла, побольше.

Повязали на меня платочек, и стал я совсем страшненький. Пускай, думаю, главное стрижки не видно.

В таком виде и пошел. Иду, на деда с ненавистью поглядываю, надулся, молчу. Пришел к бабушке чернее тучи. Ни с кем не разговариваю. И в платочке за стол сажусь.

– Не смейте, – говорю, – его снимать.

Все с пониманием к этому отнеслись, головами закивали (дед перед этим с ними пошушукался)

Посидел я эдак минут десять, стал отгаивать, аппетит появился. Взял ложку и вилку и за любимой колбасой потянулся. Вдруг в комнату входит дядя Эдик. Увидел меня, рассмеялся.

– Говорят; ты в парикмахерскую ходил стричься, а чего ж

в платке дурацком сидишь? Ну-ка покажись, архаровец!

И бац, сдергивает с меня платок! Я даже уцепиться за него не успел, поскольку руки были заняты. За столом тишина.....! А я перед всем честным народом в таком непотребном виде предстал.

Тут я жутко обозлился, косынку у дяди Эдика вырвал, обозвал его всеми известными нехорошими словами и под стол нырнул. Как кот от досады шиплю, дальше ругаюсь.

Еле меня оттуда вытащили. Сажу в соседней комнате, злой и голодный, слезы глотаю.

Дядя Эдик раза три забегал, извинялся, успокаивал. Потерянный такой и расстроенный. А я как его увижу, просто весь трясусь от возмущения и гадости всякие говорю. Почему-то больше всего на него обиделся.

Он мне в качестве утешения свою лысую голову показывал, говорит, видишь какая у меня лысина, так ведь не плачу. Ему легко советовать, она у него с рождения такая – привык, наверное.

В общем, его я в тот вечер не простил, вскоре гости разошлись по домам, и мы тоже засобирались.

В понедельник, несмотря на протесты, отвели меня в детский сад. Пришел я в косыночке и стою. Все ребята вокруг меня собрались. Поглазеть.

– Ты чего это вырядился? – удивились они.

– Ничего, мне так нравится, – отвечаю, и за косынку покрепче ухватился.

Посмотрели они на меня, поудивлялись и разошлись. Стали мы играть с Зойкой в паровозики, и тут кто-то с меня козынку сдернул. Засмеялся: – Лысый!

А Зойка говорит ему: – Ну и что, вон Ванька и Петька такие же.

Тут как раз и Петька подходит, спрашивает у смеявшегося угрюмо: – Чего это ты смеешься?

Тот и умолк: – Ничего, – говорит, – это я так.

Прошел час, затем другой, пролетела неделя, и никто надо мною не смеялся, да я и сам позабыл, что лысый, до той поры пока волосы у меня не отросли, и я снова не сделался чрезмерно лохматым и снова не пошел в парикмахерскую. Вот тогда-то я и стал жмурить только один глаз. Так спокойнее!

Джентльмены

Все началось с того, что Мишка раздобыл где-то книжку о правилах поведения в обществе. Ничего так книжечка. Занятная. Сначала мы ходили по комнате, друг перед другом раскланивались. Потом нам это надоело.

– Знаешь, – сказал Мишка, – все эти кривляния ни к чему. Зачем мне знать за обедом, какая вилка и щипчики для чего служат, когда я и первое и второе ем ложкой (очень кстати удобно)? А насчет оставшейся в тарелке подливки и вовсе ерунду пишут. Это кто же в здравом уме такую вкуснятину выбросит!

– Правильно, – говорю, – давай лучше на улицу пойдем, мячик погоняем.

– Рано, – отвечает мой друг, – здесь еще один раздел остался про то, как за дамами ухаживать.

– А чего за ними ухаживать! Вот Машка, к примеру, как была дурой, так и останется! Вчера мне списать на контрольной не дала, а когда я ей кнопку на стул подложил, она мне весь нос расцарапала!

– Это все оттого, что ты хорошим манерам не обучен! Ходишь как шпана, рубашка мятая, до пупа расстегнута, половины пуговиц нет. Бегаешь, плюешься, да еще обзываешься! Кому это понравится?

Не стал я с ним спорить. И начали мы хорошим манерам

обучаться. Я даже устал с непривычки. Никогда не думал, что столько правил существует.

Оказывается, в театре девицу нужно вперед пропустить, даже если она из-за этого самое лучшее место займет. С ума сойти можно!

Ну и книга! Там еще много чего написано было!

Почитал я, просветился и решил свои знания на Машке проверить!

Пришел на следующий день в школу в новой рубашке с галстуком. Всем девчонкам до ушей улыбаюсь. Белозубую улыбку тренирую.

Перед первым уроком к Машке подошел.

– Здравствуй, – говорю, – Маша, рад тебя видеть!

А она пальцем у виска покрутила.

– Здравствуй, Гольцов! Чего придуриваешься?

Я от такого хамства дар речи потерял!

Еле сдержался, чтоб ее по голове учебником не треснуть!

Но это Машку еще больше напугало! Не привыкла она к вежливости!

После занятий я ее у дверей встретил: – Как дела? – спрашиваю.

Хотел у нее портфель взять. Да куда там! Она в него мертвой хваткой вцепилась, по сторонам затравленно оглядывается.

– Ладно – говорю, – не хочешь портфель отдавать, сама тащи! А я тебя до дому провожу. От хулиганов охранять бу-

ду!

– Дурак ты, Димка! – огрызнулась она, – И друг твой такой же! Начитаетесь всяких книжек и воображаете! Кто мне вчера щелбан отвесил и мелом на спине написал?!

– Ерунда! – говорю. – Я просто пошутил так! А ты сразу драться! Весь нос мне исцарапала!

– Просто шутки у тебя дурацкие!

– Нет, не дурацкие!

– Нет, дурацкие, дурацкие, дурацкие.....!

Идем мы с ней по улице, подобным образом разговариваем.

Чувствую, разговор у нас получается какой-то неприятный. Так и хочется ей наподдать, чтоб до дома летела и кувыркалась!

Решил я тему переменить.

– Послушай, – говорю, – чего это ты сегодня такая злоющая и противная! Неужели нельзя по человечески поговорить? Смотри, погода какая солнечная! И птички чирикают! Хочешь, я тебе мороженого куплю за сорок восемь?

Вижу, она еще больше надулась!

– Нет, – отвечает, – у меня ангина недавно была! Сам кушай! А от противного и слышу!

Тут, слава богу, ее дом показался! А дом, скажу я вам, длиннющий! Подъездов двадцать!

Идем мы как раз мимо черного входа в ее подъезд. Дай, думаю, хорошее дело сделаю.

– Зачем, – говорю, – тебе вокруг дома таскаться! Давай через черный ход пройдем.

– А он закрыт, – отвечает она.

– Пустяки! – говорю. Взлетел на крылечко. Ножичком пару гвоздиков отогнул. Дверь перед ней распахнул: – Заходи, Маша! Ради тебя старался!

Та прямо-таки расцвела от удовольствия.

– Спасибо, – говорит, – Димочка!

– Пустяки! – отвечаю. А самому приятно!

Хотел я по старой привычке раньше ее в подъезд прошмыгнуть, но вовремя книжку вспомнил. Дверцу ногой попридержал, Машке руку подал, белозубо улыбнулся!

Она от такой любезности просто обалдела. Шагнула в подъезд. Голову ко мне повернула: – Бон жур, Димочка! Хороший ты мальчик! Я в тебе оши.....

И вдруг, бац, пропала!..... Только что была!..... и нет! Я просто рот от удивления разинул. Не могла же она в самом деле исчезнуть!

Заглянул я в подъезд: – Батюшки! – а там между дверями яма здоровущая рабочими вырыта! Машка в нее и угодила! Одни косички на уровне моих кед торчат. Ревет! Из темноты ругается!

Я как это увидел, сразу позабыл, что я джентльмен! Так и рухнул! Но не в яму, а рядышком – от смеха! Давно я так не веселился! И ничего с собой поделывать не мог, до чего смешно получилось!

Ну, помог я ей выбраться, вытащил кое- как с синяком на коленке. Усадил на свой портфель, помог от пыли отряхнуться.

Она даже спасибо не сказала! Сидит! Покраснела вся, уши малиновые трогает, на меня сердито поглядывает.

Чувствую, подозрения у нее на мой счет имеются!

Поклялся: – Да не знал я про эту яму! Ей богу, не знал!

– А почему тогда смеялся?

– А ты как думаешь? – спросил я и снова засмеялся.

Она крепилась, крепилась, не выдержала и тоже рассмеялась.

Так мы и ухахатывались в течение нескольких минут, передохнем, взглянем друг другу в глаза и снова заливаемся. Смешинка в горло попала!

Расстались мы друзьями, пришел я домой, не удержался, папе рассказал.

Он помолчал, хитро улыбнулся и говорит:

– Вот видишь, как хорошо быть джентльменом. Хорошо и полезно. Особенно для здоровья!

Хитрый дядя

Мы играли в песочнице. Нам было весело! За оградой сквера проносились машины. А здесь цвели тополя, и с неба, словно снежинки, прилетал белоснежный тополиный пух.

Стояла жаркая погода, но под кронами вековых деревьев витал ласковый ветерок. Близился полдень, народу было немного, и нам никто не мешал.

– Тл..тлл..тлу! – елозил в песочнице карапуз Вася. (С воображением у него было все в порядке – сучковатая палка в его руке мало напоминала автомобиль!)

Для меня, первоклашки, такое занятие было унижительным, и я строил из песка замок.

Мой друг Мишка не столько помогал, сколько ковырял в ухе. Он пребывал в творческой задумчивости. Ему явно не хватало вдохновения!

– Скорей бы в лагерь! На море! – сказал я, любуясь своей постройкой.

– На моле холосо! – перестал тарыхтеть карапуз Вася.

– А ты откуда знаешь? – удивился я.

– Я там два лаза был! Вместе с мамой!

– Шустрый мальчик! – завистливо покосился на него Мишка. – Ты что, на море родился?

– Не знаю, – подумав, признался Вася, и, чему-то смутившись, вновь затарыхтел: – Тл..тлл..тлу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.